

этотъ котелъ кипить, въ немъ сердце Ивана царевича и бѣсится.... «Бабушка, достань мнѣ огонька!»—Возьми сама, говоритъ. Та стала доставать; какъ палочкой кипяткомъ изъ котла брызнетъ въ глаза этой волшебницѣ; та и упала. Видитъ эта странница: точно, въ котлѣ сердце Ивана царевича... Приходитъ она съ фонаремъ въ горницу, а онъ на цѣпяхъ и не шевелится. «Благодарю, говоритъ, что огня принесла. Что это я, говоритъ, на цѣпяхъ?»—Такъ и такъ, вы съ ума сходили: людей ѣли... Самъ себѣ удивляется... Посылаютъ утромъ придворные нянюшку посмотрѣть, да косточки прибрать... Видятъ: она съ нимъ разговариваетъ. Такъ обрадовались всѣ. Онъ ее проситъ за него выйти за мужъ... «Куда, говоритъ, мнѣ лѣзть въ царскую фамилію?»—Даютъ ей денегъ, не беретъ... «Довезите, говоритъ, меня вотъ да такого-то царства! (т. е. до своего-то)» Отбилась отъ этого жениха, поѣхала.

Пріѣзжаетъ домой; а женихъ ужъ два дня какъ пріѣхалъ. Такъ всѣ рады были; веселымъ пиркомъ да и за свадьбу. Стали жить да поживать.

(Записана мной отъ старушки О. С. Котышевой въ с. Ботовъ, Ардат. у., Нижегород. губерніи.)

111.

ВАНЮША.

Жили были старикъ со старухой, больно стары, и дѣтей у нихъ не было *вовсе*. И была у нихъ лошадь тоже старая. Только родился у нихъ сынъ, и лошадь ожеребилась. Подумали старикъ со старухой: «мы, говорятъ, очень стары; гдѣ намъ его (мальчика) кормить?» Взяли положили мальчика подъ кустикъ, а жеребенка къ кусту. Ъдутъ извозники. Одинъ извозникъ зашелъ въ лѣсъ, нашелъ этаго ребенка, навзаль его Иваномъ, взялъ его къ себѣ. Жилъ

онъ у нихъ и выросъ большой. Сталъ торговлей заниматься; и у него больше всѣхъ товаровъ расходилось. Начали его люди смущать. «Что ты тутъ живешь? Живешь, живешь; все равно сгонять тебя!» Взялъ онъ коня своего, выѣхалъ за заставу. Встрѣчается ему старикъ: «куда ты, говорить, поѣхалъ? Поживи еще!»—Онъ вернулся. пожилъ; сѣлъ на коня, опять поѣхалъ.

Ѣхалъ, ѣхалъ; и видитъ за три версты перо: отъ него свѣтъ. Вотъ онъ и поѣхалъ къ нему. Конь и говоритъ: «не ѣзди, Ванюша! пагуба намъ это перо.» Онъ подѣхалъ, взялъ это перо, воткнулъ въ шапку, ѣдетъ мимо дворца. Царь ему и говоритъ: «поди-ка сюда!» Подѣхалъ. «Нельзя ли, говорить, мнѣ это перо подарить?»—Сейчасъ, говорить. Взялъ и отдалъ перо... И сталъ онъ жить у этого царя, сталъ въ сенатѣ служить. Приходитъ царь въ сенатъ. Эти сенаторы и говорятъ: «вотъ, ваше царско величество, къ намъ Ванюша приходилъ, похвалялся въ иной землѣ достать невѣсту для васъ!»

Призываетъ царь его къ себѣ. «Ну, говорить, Ванюша, сказывай, что ты тамъ похваляешься? Сказывай! Вотъ у меня въ рукахъ мечъ, тебѣ голову съ плечъ.» Онъ испугался; пошелъ къ коню... «Что, Ванюша, не веселъ?»—Такъ и такъ, говорить.—«Ну, не горюй, ничего. Проси только денегъ на *проходъ*.» Тотъ пришелъ къ царю, проситъ денегъ. Царь *банкъ открылъ* ему, тотъ набралъ себѣ денегъ, сколько надо; сѣлъ на корабль, поѣхалъ въ то царство.

И было у нихъ на кораблѣ много всякихъ товаровъ и была у нихъ на кораблѣ кошечка очень хороша... Вотъ за рѣшеткой сидитъ дѣвица, смотритъ, а онъ королю все показываетъ... Присылаетъ эта дѣвица: «не можно ли мнѣ эту кошечку подарить?»—Можно, говорить, со *всѣмъ* удовольствіемъ.—«Я, говорить, приду на корабль!» Ванюша далъ сво-

имъ карабельщикамъ вина, а корабль у него былъ большой, долгой. Приходитъ она на корабль, пошла въ каюту, а служанки остались на палубѣ. Ванюша выходитъ, говоритъ: «вамъ, говоритъ, она велѣла выйти на берегъ!» Онѣ вышли, корабль и отвалилъ отъ берега, и привезъ онъ къ царю невѣсту. Она и говоритъ царю: «когда отъ батюшки достанете семь жеребцовъ, да кобылицу семигривицу, копыта жемчугомъ обиты, тогда стану вѣнчаться!» Приходитъ царь въ сенатъ. Эти сенаторы сказываютъ: «Ванюша похваляется, что все достану!»

Призываетъ царь Ванюшу къ себѣ. «Что ты, Ванюша, мнѣ не говоришь ничего?... Ты похваляешься, что достанешь семь жеребцовъ и кобылицу семигривицу, копыта жемчугомъ обиты.» Испугался Ванюша, пошелъ къ коню своему. «Что ты, Ванюша, не весель?»—Какъ, говоритъ, мнѣ веселиться? Царь приказалъ достать семь жеребцовъ да кобылицу семигривицу, копыта жемчугомъ обиты!—«О чемъ тужить! Проси денегъ больше да поди въ кузницу, припаси двѣнадцати-пудовую палку-чугунку.» Онъ сходилъ, досталъ денегъ, приготовилъ палку. Конь и говоритъ: «ну, говоритъ, обшей меня въ три кожи, засмоли; какъ прїѣдемъ, вскричу я, кобылица прилетитъ ко мнѣ, начнетъ рвать меня, ты бей ее промежъ ушей!..» Поѣхали.

Прїѣзжаютъ туда, заржалъ конь у Ванюши, вылетѣла кобылица-семигривица, рванула—двѣ кожи слетѣли... Ванюша хотѣлъ палкой ударить, промахнулся... «*Рыхло* твое дѣло, Ванюша!» Кобылица опять налетѣла, останну кожу сорвала; издохъ конь у Ванюши. Прикручинился онъ, припечалился, пошелъ въ лѣсъ. Бѣжитъ волкъ... Ванюша ему и говоритъ: «пошелъ, тамъ конь мой лежитъ, съѣшь его!»—А ты что, Ванюша, прикручинился?—Разсказалъ Ванюша волку... Вотъ волкъ прорвалъ брюхо коню, сѣлъ въ него; прилетѣли два

вороненка, онъ схватилъ ихъ. «Тогда, говоритъ старому ворону, отпущу, когда принесешь живой и мертвой воды!» Слеталъ воронъ, принесъ. Волкъ отдалъ Ванюшѣ; Ванюша коня мертвой водой вспрыснулъ, срослась кожа, шерсть появилась... Вспрыснулъ живой, вскочилъ конь... «Ну, теперь, говоритъ, ежели *зарабишь*, останешься тутъ на вѣки!...» Заржалъ конь, летитъ кобылица; онъ ей грохъ промежь ушей этой палкой двѣнадцати-пудовой, та и оглохла, стала... А всѣ семь жеребцовъ прикованы были къ этой кобылицѣ цѣпями. Конь и говоритъ: «ну, Ванюша, садись на кобылицу, разгони ее во всю прыть на семь верстъ, тогда лопнуть эти цѣпи.» Вотъ онъ сѣлъ на кобылицу, разогналъ ее во всю прыть на семь верстъ, лопнули цѣпи; поѣхалъ онъ въ свою землю.

Опять эта невѣста говоритъ. «Тогда, говоритъ, пойду, когда достанете отъ моего батюшки шапку!» Приходитъ царь въ сенатъ. Опять эти сенаторы говорятъ: «вотъ приходилъ сюда Ванюша; достать могу шапку, говоритъ.»—Призываетъ его опять царь къ себѣ. «Ты, что, Ванюша, сенаторамъ *завсе* похваляешься? Ты, говоритъ, говорилъ имъ, что можешь достать шапку.»—Закручинился Ванюша, приходитъ къ своему коню. «Поди, говоритъ, проси у царя денегъ больше...» Выпросилъ денегъ, поѣхалъ на кораблѣ, пріѣхалъ въ ту землю; и были тамъ всѣ въ церкви, увидали его коня; вышли всѣ генералы смотрѣть его коня (очень хорошъ конь)... Ванюша зашелъ въ церковь, взялъ шапку, подъ полой вынесъ. Пріѣхалъ домой; сталъ царь вѣнчаться. Повѣнчался.

Была баба *ягиба*. Вотъ онъ и не взялъ ея дочь. Вотъ забеременѣла царева жена, родила сына и говоритъ: «кто встрѣтится вамъ, того и берите въ бабушки!»—И встрѣтилась эта ягиба. Позвали ее въ бабушки; она взяла щенка завернула, положила вмѣсто царскаго сына, а того взяла,

посадила на ладонь. «Ну, говорить, смѣй голубчикъ, свернись голубочкомъ, полетай на зеленъ дубокъ.» Онъ свернулся, полетѣлъ. Прослышался слухъ, что царева жена щененка родила; царь разгнѣвался тутъ, простилъ до другаго разу. Черезъ годъ она опять родила, послали: кто встрѣтится, того и взять въ бабушки. Идетъ опять ягиба навстрѣчу. Взяла щененка, подмѣнила, а ребенка-то зашила въ подушку, положила на полоть. Царь узналъ, что она щенка родила, осердился, выковырялъ ей глаза; положилъ подушку въ бочку, бросилъ ее туда, пустилъ по водѣ.

Плаваютъ они по водѣ, а мальчикъ все растетъ да растетъ и выросъ, большой сталъ, стала ему бочка коротка. Вотъ онъ потянулся, донышки выпали; хватъ, а они на берегу. Вотъ и пошелъ онъ со своей слѣпой матерью въ лѣсочикъ. «Матушка! я схожу, посмотрю: нѣтъ ли чего?»—Ступай, говорить, только не заплутайся.—Пошелъ онъ, видитъ: идетъ старикъ, несетъ баночку, подарилъ ему. Онъ бѣжитъ къ матери. «Маменька, что мнѣ сѣденькій старичекъ подарилъ!» Вотъ она помазала изъ этой банки глаза, стала глядѣть!... Пошелъ этотъ мальчикъ въ другой разъ, встрѣтилъ опять того же старичка, далъ ему старичекъ хлѣбушка на пропитанье... Пошелъ въ третій разъ; несетъ этотъ старикъ икону, далъ ему; онъ помолился, несетъ къ матери... Тутъ они нашли и того сына, что голубочкомъ улетѣлъ. Мать и посылаетъ его: «слетай, узнай, что отецъ дѣлаетъ.» А царь обвѣнчался съ ягибиной дочерью; прилетаетъ голубчикъ, видитъ: царь хочетъ ягибиной дочери голову ссѣчь!—«Ахъ, говорить, на что я старой женѣ глаза выковырялъ?...» Прилетаетъ голубчикъ, рассказываетъ. Пошли они къ дворцу, нашли колодець; въ этомъ колодцѣ плаваетъ огодець (рыба), всей сказкѣ конецъ.

. (Записана мной въ с. Котовкѣ, ардатовск. у-, нижегор. губ.)